

Клещук С. Е.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В СССР: ПРИЧИНЫ ЗАСТОЯ И ПУТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Мнение библиотекаря о состоянии, возможностях и перспективах наших библиотек.

Перестройка вошла во все сферы общества, но анализ содержания этого явления в применении к библиотечному делу показывает, что подлинного перелома, качественных сдвигов и революционности нет и, самое главное, их пока и быть не может, ибо сегодня в обществе для этого нет достаточных идейно-философских, политико-экономических, финансовых, юридических и, не в последнюю очередь, социокультурных условий. Данное исследование идет точно в русле общих задач, решаемых ныне нашими обществоведами. Первая из них — комплексное изучение «системы тормозов», т. е. выяснение того, кто тормозит и что именно; вторая — от чего, как и к чему мы должны идти в процессе перестройки.

К настоящему моменту у автора сложилось стойкое ощущение того, что в аспекте приложения принципов и идей перестройки к организации библиотечного и информационного обслуживания в целом ГКНТ СССР, АН СССР, министерства и ведомства очень и очень далеки от разработки кардинальных и радикальных реформ. Наши администраторы, ведущие культурологи и библиотековеды еще не пришли к единой мысли о том, как и кому делать перестройку в библиотечном деле СССР.

На страницах профессиональной печати достаточно материалов, где авторы сожалеют о наличии механизма торможения в сфере библиотечного дела, ищут причины его существования и говорят о необходимости революционного перелома. Но и на пятом году не разработана концепция подлинной перестройки библиотечного дела как социокультурного явления с необходимым идейно-философским и социально-экономическим обоснованием. Наиболее наглядным доказательством ее отсутствия является сохранение в силе «Положе-

ния о библиотечном деле в СССР», которое начинали готовить при Л. И. Брежнев, а утвердили при К. У. Черненко, ровно за год до мартовского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Попробуем разобраться, почему же столь живуч застой, почему пока нет никакой возможности сломать механизм торможения и виноваты ли сами библиотекари в том, что, несмотря на желание и энтузиазм, концепцию перестройки нельзя создать сегодня. Необходимо признать, что некоторые корни отрицательных явлений уходят в первые послереволюционные годы, когда многомиллионные массы бесправного и непросвещенного народа стали хозяевами в своей собственной стране. Справедливо и утверждение о том, что для достижения подлинной демократии и истинного народовластия в России не было достаточной социокультурной основы социалистической революции. В отличие от прогноза К. Маркса социализм исторически возник не после капитализма, а параллельно с ним и в стране, которую сам вождь революции В. И. Ленин относил ко второму эшелону развития капитализма. Недаром же он писал, что Россия «...позади самого отсталого из западно-европейских государств по ...высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма»¹. В. И. Ленин предложил свою, рассчитанную на очень длительный период программу культурного строительства как составной части политического и экономического переустройства общества и сделал максимум возможного в тех условиях для организации библиотечного дела и библиотечного обслуживания в нашей стране. Ленинские заветы и идеи, гуманистические и демократические по сути и направленности, сохраняют свою не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 216.

преходящую ценность и поныне; и совершенно не случайно особую важность роли и места культуры в современной концепции социализма подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС В. Медведев в журнале «Коммунист» (1988, № 17).

Однако следует помнить и о том, что все ленинские документы, касающиеся библиотечного дела, разработаны и введены в действие в период военного коммунизма, до начала новой экономической политики, под первую модель построения социализма, т. е. тогда, когда предполагалось непосредственным велением пролетарской власти наладить государственное производство и государственное распределение по-коммунистически в мелкобуржуазной стране.

При переходе к нэпу взгляды В. И. Ленина претерпели серьезные изменения, он признал экономические и политические методы управления страной в предшествующий период ошибочными, но судьба не дала ему необходимого времени для разработки документов социокультурного характера на период нэпа. Зададим себе сакраментальный вопрос: если ленинские документы по библиотечному делу (именно документы!) работоспособны и ныне, как продолжает декларироваться, то почему же тогда библиотекари (да и не только они одни) «в голос» кричат о застое в нашей сфере?

Не секрет также и то, что именно с 1920-х гг. в нашей стране начала вызревать командно-административная система, вернувшая методы управления из донэповских времен. Выбросив за борт ленинские идеи гуманизма и демократизации, эта система оставила себе на вооружение только принцип централизации библиотечного дела, сделав из документов эпохи военного коммунизма и гражданской войны догму и истину на вечные времена. Сталинизм нуждался лишь в исполнителях, подчиненных верхам.

Интеллигенцию, которую в любой другой стране мира признавали и признают за лидера страны, носителя интеллекта, совести и памяти народа, в СССР с конца 1920-х гг. стали называть «прослойкой» со всеми вытекающими отсюда трагическими для нее самой и народа последствиями. При Сталине, Хрущеве и Брежневе в каждом новом правительстве доля интеллигентов сокращалась. Это привело к тому, что политику в области культуры, науки и искусства определяли люди, для которых интеллект и культура являлись чем-то последним в ряду качеств, необходимых руководителю.

К 1940 г. библиотек в нашей стране стало примерно в четыре раза больше, чем в 1917 г.,

но они превратились в политизированные винтики командно-административной системы, осуществлявшие воспитательную роль; их работники входили в состав аппарата пропагандистов, обеспечивавших единомыслие. Целью всей идеологической работы было убеждение народа в истинности видения социализма, угодного верхам.

В результате многолетней пропаганды, по нашему глубокому убеждению, сегодня, на пороге последнего десятилетия XX века все общество, а не только верхние эшелоны власти, еще не готово, еще не доросло и не созрело даже до рассмотрения вопроса о том, что такое библиотека как социальный институт подлинного, реального, гуманистического и демократического социалистического общества и что такое информация как ресурс государства. В нашем обществе пока еще нет понимания того, что библиотечное дело — это органическая часть социальной, экономической (это мы особенно подчеркиваем!) и культурной жизни. Наше общество еще не признало, что в эпоху научно-технической революции мы, библиотекари, независимо от типа библиотеки, в которой работаем, являемся создателями производственного потенциала государства, накопителями его ресурсной мощи, мы участвуем в создании и совершенствовании как средств производства, так и самих производителей, т. е. человека. В перечне актуальнейших задач экономической реформы необоснованно опущен такой необходимый элемент перестройки, как переход к новейшим информационным технологиям, а это не чисто техническая, не только и не столько библиотечная задача, сколько сложнейшая народнохозяйственная проблема.

Согласно действующему «Положению о библиотечном деле в СССР» (а это декларативный документ, отражающий расчет на бесконфликтное развитие общества) наша первая задача — это пропаганда марксизма-ленинизма. Но давайте спросим себя, почему же пропагандисты и защитники правящей в стране идеологии сидят на остаточном принципе финансирования? Быть может, дело пойдет гораздо лучше, если на первое место поставить информационное обеспечение науки, техники и промышленности?

Ускорение научно-технической революции, т. е. интенсификация цикла «наука — техника — производство» всецело зависит от фондовооруженности, энерговооруженности, механовооруженности, но до сих пор в нашей стране почему-то не учитывается информационная вооруженность. В отношении научно-технической информации как ресурса государства сегодня в СССР наблюдаются такие же процессы, мнения и дискуссии, какие про-

исходили в США в 1950-е гг. Читателям судить о размерах отставания.

Ныне во всем мире информация является наиболее дорогостоящим ресурсом (понятие включает в себя технику, всю материальную сторону библиотечного дела); но ведь этот ресурс — фактор экономический, а поэтому на равных с промышленностью сфера библиотечно-информационного обслуживания должна получать достаточно средств на свое развитие (деньги, здания, машины и механизмы). На Западе труд библиотекарей и информаторов по созданию и распространению информационного ресурса давно считается производительным, а вся сфера библиотечно-информационной деятельности — производственной. У нас такого положения не было в прошлом, нет сейчас и явно не предвидится в будущем. Не может ли получиться так, что библиотеки будут продолжать искусственно сдерживать социально-экономический и технический прогресс общества, как слабо развивающиеся части единого общего организма?

Не секрет, что именно информационная индустрия развитых стран Запада уже лет 15 не знает зстоя и спадов. Расходы на информационную технику и технологию занимают третье место среди всех капитальных вложений в промышленность, а затраты на компьютеры и средства связи в расчете на душу населения в развитых странах приближаются к затратам на автомобиль. Западные экономисты пишут, что запас информации имеет все признаки капитала.

Причины стагнации нашей философии, политэкономии и, как следствие, библиотековедения следует искать за пределами этих наук — за десятилетия сложился механизм торможения общественных наук, они превратились в обслуживающий персонал командно-административной системы. Именно поэтому у нас исторический материализм долгое время изучался без категории культуры, в нем совершенно не разработана проблема историко-культурных цивилизаций. А история цивилизаций — это ведь история роста ценности самой информации и способов ее передачи. Знание цивилизаций — это знание того, какие, какого качества социальные институты библиотечно-информационной направленности, какого качества кадры нужны обществу на том или ином этапе его развития.

Научно-техническая информация как продукт науки все еще не проанализирована с позиций марксистско-ленинской политэкономии. В Советском Союзе помнят высказывание В. И. Ленина о том, что социализму нужна техника, созданная по последнему слову новейшей науки; у нас все охотно повторяют тезис о том, что НТР и есть научно-техничес-

кая революция, что наука стала производительной силой, однако «забывают» при этом добавлять, что она, наука, становится таковой лишь по мере превращения потенциала ее идей в научно-техническую информацию как ресурс экономический. Вторая половина тезиса резко повышает социальный статус библиотек и библиотекарей в обществе. После такого признания не может быть и речи об остаточном принципе финансирования: главным каналом инвестиций у нас должны быть, как и везде в мире в эпоху НТР, наука и сферы ее обеспечения, т. е. библиотечное дело и информатика. Но, увы, этого пока у нас нет.

Более того, с течением времени в СССР коэффициент полезного действия именно научных и научно-технических библиотек постепенно падает, а потери научно-технической информации — через снижение ее полезности в масштабах всего общества — растут. Так, за последние 15—20 лет каждый советский автор-исследователь по сравнению с американским имел в 16(!) раз меньше шансов опубликоваться; иначе говоря, научно-техническая информация создана, но лежит в очереди на публикацию, старея при этом катастрофически.

Научные и научно-технические библиотеки бьются над совершенствованием процессов сбора, хранения и доведения информации, но они же «проталкивают» на рынок сбыта уже заранее устаревшую информацию, перележавшую свой срок еще до «прихода» в библиотеку. А полученные из научно-технической информации и не устаревшие новшества в условиях командно-административной системы не внедряются, ибо нет механизма их внедрения или сама система в них не нуждается. В свете всего вышесказанного встает вопрос: кому и зачем нужны усилия патриотов-библиотекарей?

Далее, «социальная ниша», т. е. место научных и научно-технических библиотек, в нашем обществе неопределенна, ибо в СССР нет теории информационного обеспечения науки и производства и не установлена потребительская стоимость такого товара, как информация. В СССР стоимость НИИ, заложенной в продукт, абсолютно не учитывается: соответственно, библиотекари и информаторы должны доказывать, что они «хорошие» и нужны обществу. А корни проблемы лежат в том, что вопросы организации и управления технологическими сдвигами и внедрением новшеств недостаточно изучены и разработаны в нашей экономической теории, тогда как у «проклятого» капитализма есть серьезнейшее бесспорное достижение — отработанный механизм связи науки и производства (при-

чем под государственным контролем!) через такие каналы, как библиотеки.

Какая же может быть перестройка в библиотечно-информационном обслуживании, если повсеместно в мире признается аксиомой, что качественные скачки в технологии управления (а библиотеки как раз и управляют потоками информации) происходят только на основе широкой автоматизации, а о внедрении электронно-вычислительной техники в библиотеки нашей страны в массовом масштабе и говорить не приходится — таких программ у нас просто нет, наше общество принципиально не готово к постановке подобного вопроса и мы постараемся объяснить — почему.

Во-первых, внедрение новшеств, вся инновационная деятельность — это функция развития культуры как совокупности способов жизнедеятельности человека, а сама культура (в самом широком смысле слова!) есть концентрированный конкретно-исторически организованный опыт воспроизводственной деятельности общества, но наше общество на данной стадии развития невосприимчиво к нововведениям.

Во-вторых, смысл информатизации общества — в интенсификации использования научно-технической информации в масштабах всего этого общества: информатизация — это объективный исторический процесс, этап, который проходит любая страна, когда для этого созреет. А мы разве готовы? Исследовалась ли у нас восприимчивость коллективов библиотек к нововведениям? Есть ли у библиотек ресурсы и резервы для автоматизации? Исследовалась ли степень регламентации работы библиотек? Известно, что чем больше документов регламентирует нашу деятельность, тем труднее новшеству внедриться, но ведь пока жесткая централизация «властвует и царствует», централизованное, сверху, внедрение новшеств в условиях социализма — это абсурд.

В-третьих, у нашей страны еще несколько десятилетий не будет средств на автоматизацию библиотек (лучше быть в этом вопросе пессимистом), ибо все нововведения капиталоемки, а средств нет даже на более жизненно важные цели. В Советском Союзе позже других стран стали признавать действие так называемых длинных волн инновационной активности, открытых в 1925—1926 гг. нашим соотечественником Н. Д. Кондратьевым. Четвертая волна (совершенное развитие химии и нефтехимии) может растянуться у нас до 2005 г.; а без завершения этого цикла нельзя переходить на пятую (микроэлектронику). Правда, в нашей стране идет экономическая реформа, в основе которой лежат

децентрализация управления и политическая реформа с ее широкой демократизацией принятия решений. Но эти две черты характерны именно для пятой волны. Сегодня наша задача — пройти этапы «длинных волн» быстрее, чем другие страны, иначе отставание и в библиотечном деле будет необратимо нарастать.

В-четвертых, в настоящее время автоматизация информационных потоков рассматривается нашими ведущими специалистами как средство совершенствования механизма управления ВНЕ связи с изменениями в хозяйственном механизме (заложено в проекте ГАСНТИ до 2000 г., подготовленном ВИНТИ), а как надо и как будут перестраиваться центральные информационные учреждения в условиях ограничения прав министерств и ведомств? Как это отразится на роли, месте научно-технических и научных библиотек?

Чисто технократическое понимание развития науки и техники, ставка на экстенсивный путь совершенствования библиотечно-информационного обслуживания науки и техники в 1950—1960-е гг. плюс нежелание заниматься заимствованием зарубежного опыта привели к созданию служб (органов) научно-технической информации и искусственному принижению роли научных и научно-технических библиотек в нашем обществе. В США, например, такого положения не было и нет: научные, научно-технические и вузовские библиотеки, непрерывно насыщаясь техникой и совершенствуя методы и формы обслуживания читателей, остаются внутри своих организаций вне конкуренции.

Переходя к заключительной части нашего анализа, укажем, что перестройка системы управления промышленностью и сельским хозяйством имеет цель, все наше общество знает, чего надо достичь и какими путями. Аналогичные мероприятия должны быть проведены и в сфере библиотечного дела. В частности, наше общество должно определить, какую из трех моделей библиотеки выбрать для тех или иных условий развития ее как социального института (библиотека — музей книги, информационный центр, диспетчер информационных потоков в регионе), но ... У нас в стране нет пока целостной модели социализма, описывающей все стороны общественной жизни. Библиотековеды не могут идти «вперед прогресса», опередить философов-обществоведов, которые получили своеобразный социальный заказ — построить модель будущего общества и определить пути подхода к нему. Библиотековедам приходится и придется ждать, хотя вести подготовительную работу и готовить свои проекты и предложения они просто обязаны.

Естественно, библиотечные прогнозы, проекты и планы должны основываться на концепции развития наших республик, регионов, городов, сел, и именно поэтому нужна комплексная, системная общегосударственная социокультурная программа как основа концепции перестройки библиотечного дела в СССР.

Советский Союз хочет и должен стать частью «общеевропейского дома». Но это же будет, я уверен, не «сырой подвал» или «дырявый чердак» — так до каких же высот вырастает наши с вами задачи совершенствования библиотечно-информационного обслуживания своих же сограждан?